

Юрий Рерих, 1930-е годы

ЭКСПЕДИЦИЯ АКАДЕМИКА Н.К. РЕРИХА В ГЛУБИНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ю.Н. Рерих

В ПОИСКАХ ТАИНСТВЕННОЙ КРЕПОСТИ ДАМБЕЙ-ДЖАЛЦАНА

Под усеянным звездами небом караван верблюдов проникает в сердце черной Монголии — Гоби — в поисках таинственной крепости Дамбей-джалцана.

Пустынные просторы Центральной Азии наблюдают порой появление необыкновенных личностей, оказывающих глубокое влияние на свое окружение. Дамбей-джалцан — «Знамя Учения» — был одним из таких людей. Его жизнь полна тайн, никто точно не знает, откуда он пришел, какую цель преследовал.

Вся Азия служила ему полем деятельности, от Астрахани на юге России до Пекина, от Монголии до далекого Тибета. Эта выдающаяся личность, чьи деяния приводят в замешательство наблюдателей современной истории Монголии, была открыта западному миру книгой Оссендовского «Люди, звери и боги», в которой она фигурирует под именем Тушегун-ламы, человека, обладающего загадочным могуществом, предводителя отважнейшего отряда.

На фоне монгольской революции 1911-1912 гг. фигура Дамбей-джалцана, «Карающего ламы», выделяется наиболее рельефно. В будущей книге, посвященной экспедиции Рериха, я расскажу о его жизни во всех подробностях, но здесь мне бы хотелось описать его замок, расположенный в сердце Монгольской Гоби. Дамбей-джалцан провел последние годы своего существования в пустыне. Мы были первыми иностранцами, посетившими его заброшенный замок.

После долгих дней пути караван экспедиции пересек бесплодную Монголию в районе Гоби — царство песка, этих песчаных барханов, протянувшихся на юг сколько хватает глаз. На горизонте темная линия — огромная равнина Гоби, покрытая щебнем. На черной поверхности каменистой пустыни лежат темно-опаловые отблески. В знойном воздухе дрожат миражи — озера, острова, покрытые пышной растительностью. У нас в перспективе три дня передвижения по пустыне без воды. Люди и животные с трудом следуют по едва различимой тропинке. Во время этих долгих переходов через иссохшие пространства глава каравана должен прежде всего беречь силы верблюдов.

Мы пересекли тесное ущелье, загроможденное камнями круглой формы. По обеим сторонам тропы поднимаются высокие гранитные скалы с острыми гранями, чередующиеся с черноватыми базальтовыми массами. Вершины гор увенчаны утесами, которым разрушения времени придали фантастический вид недоступных замков или крепостей, охраняющих караванный путь.

ЧЕРНЫЙ ЩЕБЕНЬ ГОБИ

Снова каменистая пустыня — черные камни Гоби. Верблюды продвигаются вперед своим мерным шагом, крутя головами с важным видом, словно в поисках конца-края этой пустыни, ранившей подошвы их ног своим острым щебнем. Надо идти вперед во что бы то ни стало.

Как величественны рассветы и закаты в пустыне!

Заходящее солнце внезапно закрывается темно-пурпурными молниями, огромная равнина окутывается красноватыми отблесками. Несколько минут громового треска, затем краски меркнут и бескрайняя пустыня погружается в фиолетовую тень. На поразительно темном небе Центральной Азии появляются звезды; благодаря исключительной сухости атмосферы они сверкают бесподобным блеском. Караван продолжает свой путь, восходит луна, и ее нежный синеватый свет озаряет пустыню, это сердце Азии, дремлющее под тяжким покрывалом из черных камней.

Вся область несет на себе следы разбойничьих действий.

Впереди каравана наши разведчики верхом на верблюдах осматривают равнину и ущелья; они подают нам знаки, свободна ли дорога. Большинство наших невооруженных людей несут палаточные кольца в чехлах для ружей, так что, даже вблизи, весь караван кажется вооруженным до зубов. И день за днем мы пересекаем знойную пустыню.

ЭКСПЕДИЦИЯ ДОСТИГАЕТ ЗАМКА ДАМБЕЙ-ДЖАЛЦАНА

Во время ночного перехода наши проводники привели нас к замку Дамбей-джалцана; но ночь была так темна, что они не могли определить точного местоположения, и мы осознали, где мы находимся, только на заре. Не было и речи о том, чтобы разбить лагерь, прежде чем мы зайдем замок, потому что, если бы там стоял гарнизон разбойников, они быстро атаковали бы наши палатки. С рассветом руководитель экспедиции решил обследовать крепость, и караван получил приказ оставаться в полной готовности, чтобы в любой момент продолжить путь. Люди, обычно очень дисциплинированные, категорически отказались следовать за нами. Они заявили, что готовы сражаться с китайцами, тибетцами, монголами, но не хотят вступать в замок Дамбей-джалцана, тем более бороться против его людей. Самые убедительные доводы не могли поколебать их решения. Мы с Портнягиным должны были действовать одни. Договорились, что с верхушки сторожевой башни дадим знак ружьями, если крепость окажется незанятой. В случае сопротивления выстрелы предупредили бы караван.

Мы быстро доехали до первой сторожевой башни, откуда легко могли обзреть крепость; она казалась совершенно пустой, по крайней мере, внутри мы ничего не видели. Тогда мы проникли в первый двор, всё время держась настороже. Тишина была полной, ни собак, ни людей, только груды обломков, оставленных последними оккупантами. Многочисленные очаги обнаруживали свежие следы огня; крепость была покинута не так давно.

Замок, построенный на невысоком холме, прислонялся к низкому гребню, составляя единое целое с массивом Бага-мацушан. Внутренние дворы, окружен-

ные высокими кирпичными стенами, вели к главному зданию — старой резиденции Дамбей-джалцана. Это было четырехугольное строение, снабженное широкой дверью и покрытое плоской крышей, с башенками по всем углам. На первом этаже находился большой зал, центр которого образовывал очаг. Маленькая каменная лестница позволяла достичь второго этажа, занятого частными апартаментами главы разбойников. Многочисленные концентрические ограждения защищали крепость. Сторожевые башни, которые, без сомнения, имели каждая свой гарнизон, венчали близлежащие холмы и скалы, нависавшие над замком.

Большое количество очагов под крепостными стенами, сложенными из камня, доказывали, что в эпоху Дамбей-джалцана крепость окружал кочевой город из многих тысяч палаток. В самом центре чернокаменной пустыни этот монгольский предводитель разбил укрепленный лагерь, который и поныне наполняет страхом сердца монголов и тибетцев.

МИРНЫЙ ВИЗИТ РАЗБОЙНИКОВ

Мы нашли замок пустым. Несомненно, те, кто его занимал, покинули его за несколько дней до нашего прибытия, чтобы рассеяться по окрестным холмам. К вечеру несколько человек принялись кружить вокруг нашего лагеря, не решаясь атаковать нас или угнать наших верблюдов. Все носили плащи из грубой шерсти; на одних были меховые шапки, у других вокруг головы повязаны синие платки. Все верхом на хороших лошадях. Совершив короткий осмотр, они исчезли в облаке пыли.

Среди кочевников Монголии память о Дамбей-джалцане остается великой и священной. В караване экспедиции был торгоут Эцзин-гол, много лет проведенный в центре провинции Мацушан. Однажды я слышал, как он пел о подвигах Дамбей-джалцана. Я попросил его повторить слова песни, но он отказался, говоря, что не знает никаких песен о великом предводителе. Все наши настойчивые просьбы были напрасны, человек только смеялся; поскольку подошла его очередь сторожить транспортных животных, я должен был отпустить его. Он вскочил в седло и помчался по степи к табуну лошадей, щипавших траву. Вдруг раздался его голос: он пел ту же песню, прославляющую Дамбей-джалцана. Я различал мелодию, не в силах разобрать слов. Человек отказался петь в нашем присутствии, но сейчас, посреди степи, он повторял старую разбойничью песню о Дамбей-джалцане, воздвигшем крепость в центре черной пустыни. Песнь принадлежала пустыне; кочевнический кодекс не позволял исполнять ее чужеземцам.

ТАИНСТВЕННЫЙ ВСАДНИК ОХРАНЯЕТ ЭКСПЕДИЦИЮ В ТИБЕТЕ

Заходящее солнце окутало лиловой дымкой широкую долину Шарагола, между тем как на другом берегу реки светилась стена гор с зубчатыми вершинами, резко контрастируя с тенью долины. Это был яркий пример закатов на высоких плато Центральной Азии, вызывающих неизменное восхищение путешественников

богатством оттенков. Песчаная долина, расстилавшаяся, насколько хватало глаз, перед палатками экспедиции, была безлюдна, монгольские стада ушли, возвращаясь на свои стойбища.

Неожиданно вдалеке показался одинокий всадник. Он быстро приближался, и на его верховом животном, великолепном экземпляре монгольской породы лошадей, можно было разглядеть признаки усталости; по-видимому, он проделал большой путь. На территории лагеря всадник спешил и сказал, что хочет поговорить с главой экспедиции под покровом закрытой палатки. На вопрос часового он не пожелал открыть ни своего имени, ни цели своего приезда. Таинственный чужак в роскошном одеянии из шелка и золотой парчи был молодым ламой или тибетским монахом. Мы никогда больше не видели столь великолепно одетого человека: он казался сошедшим с одной из тех старинных тибетских картин, на которых цари подносят Будде свои дары.

В наши дни в глубинах Азии надо быть осторожным. Человек мог оказаться атаманом разбойничьей шайки, приехавшим разведать силы экспедиции. Бандиты этих мест используют иногда подобные трюки. Мы всё же решили позволить гостю поговорить с руководителем экспедиции и провели его в палатку.

Войдя в палатку, он сразу принялся говорить очень быстро, с беспокойным видом. По его словам, предстоявшая нам дорога была полна опасностей и 70 хорошо вооруженных всадников готовились напасть на экспедицию в горах на юге от болот Цайдама. «До Элису-дабана дорога вам открыта, — сказал человек, — но опасность подстерегает вас на перевале». Он исчез, прежде чем мы успели отдать себе в этом отчет. Неожиданное появление загадочного незнакомца взволновало всех наших монголов, но никто не мог сказать, кто это был и откуда он приехал. Его предупреждение, если это была правда, имело большое значение, нам нужно было принять чрезвычайные меры предосторожности.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ СОЛЯНУЮ ПУСТЫНЮ

Несколько дней спустя экспедиция начала свое продвижение по району Цайдама, соляные болота которого представляют собой самую унылую область Центральной Азии. Мы намеревались пересечь соляную пустыню в ее центральной части, восточнее или западнее соленого озера Дабасун нор. Простая тропинка позволяет продвигаться между соляными топями. Летом дорога непроходима для караванов по причине большой жары и полного отсутствия свежей воды. Единственный способ пересечь эти болота — за один перегон. Это был изнуряющий переход. По краям тропинки лежат огромные глыбы соли, разделенные глубокими впадинами. Неверный шаг лошади, и всадник свалится в одну из трясин, окаймляющих дорожку. Только на следующий день, после 36 часов пути, мы достигли пастбищ Тейджинера. Эти земли постоянно разоряются бандами грабителей-тибетцев, принадлежащих к воинственным племенам. Их летние и осенние набеги и карательные экспедиции, которые монголы предпринимают против грабителей, глубоко изменили нравы монгольских племен. Когда вы приближаетесь к местности, где непрерывно ведутся межплеменные войны, где люди никогда не спят спокойно, поскольку им всё время чудятся пронзительные крики тибетских горцев, у вас у самих складывается впечатление, что вы вдыхаете опасность вместе с воздухом. Внешний

Н.К. Рерих. Цайдам. 1930

вид лагеря кочевников изобличает постоянную неуверенность, в которой живут эти люди: лошади спутаны, сторожа стад вооружены и верхом на лошадях, конные отряды патрулируют подступы к горам.

Соседние монголы сообщают нам о несомненной активности грабителей-горцев; чтобы избежать столкновения с ними, они собирают свои палатки и отгоняют стада к северу. По их словам, долина Нейджи, по которой проходит дорога на Лхасу, особо опасна.

На входе в узкое ущелье мы встретили последний монгольский пост; за ним начиналась «ничейная земля». В течение нескольких часов экспедиция пересекала область, буквально опустошенную бандитами.

Караван нужно было охранять днем, во время перехода, и ночью, на стоянке. Почти ежедневно мы обнаруживали следы вражеских патрулей, шедших впереди нас, следивших за нашими действиями. Было неспокойно; наши монголы не сомневались, что предсказание таинственного незнакомца сбудется.

13 сентября было мрачным днем, плотные серые тучи нависали над горами. Караванный путь шел по правому берегу реки Нейджи. Сквозь стремительные

облака, туман и высокие вершины гор временами можно было различить снежные пики и ледники хребта Марко Поло.

Едва мы достигли южного склона Элису-дабана, места, указанного неизвестным шарагольским ламой, как увидели отряд всадников, быстро пересекавших дорогу и направлявшихся к плато, расположенному слева от нашего пути. Времени на размышления не было. Они неслись на нас во весь опор; ссохшаяся почва плато эхом отдавалась под копытами лошадей; все люди были вооружены. «На расстоянии трехсот метров стреляем», — крикнул командующий, полковник К[ордашевский], и каждый приготовился действовать по сигналу.

Но вражеские всадники, похоже, были в нерешительности. Они резко остановились плотной группой; мы увидели, как они вложили сабли в ножны; многие спешили и совещались между собой. Наши решительные действия смутили их; они сочли за лучшее послать парламентаров. Когда те приблизились, наши всадники в целях предосторожности окружили отряд разбойников. Одно только преследование нашего огнестрельного оружия произвело большое впечатление на готовивших на нас засаду и заставило их отказаться от атаки.

После короткой остановки мы продолжили свой путь.

Один из наших людей узнал, болтая с кем-то из разбойников, что они ждали на следующий день значительное подкрепление, но панаги не вернулись и ночь прошла спокойно.

Часто я спрашиваю себя: кто был этот таинственный чужеземец, покровительствовавший нам? Благодаря ему, мы приняли все необходимые меры предосторожности и благополучно миновали опасную территорию.

НА ВЫСОКОГОРНЫХ ПЛАТО ТИБЕТА ЭКСПЕДИЦИЯ ВСТРЕЧАЕТ СТАДА ДИКИХ ЯКОВ

Высокогорный Тибет — земля уныния. Насколько хватает глаз, волнуются холмы, разделенные заболоченными равнинами. Днем жгучее солнце сдирает с путников кожу. Ночью сильный холод покрывает тонкой коркой льда поверхности озер и ручьев. Порой неистовый ветер выметает плато и вздымает тучи пыли, смешанной с мелкими камешками, которые так жестоко бьют в лицо, что через несколько минут человека не узнать.

Редко встречаются на обширных просторах высокогорного Тибета животные. Горный край, простирающийся между горами Дунгхудра и хребтом Гурбун Нейджи, является родиной диких яков. Эти огромные животные с грубой шерстью свободно проходят по широким равнинам, пролегающим между склонами гор. Прекрасные стада, насчитывающие до двухсот голов, бродят по «ничейной земле» Тибета.

Во время нашего путешествия по южным тибетским плато мы нередко встречали большие стада этих животных. Часто, желая разбить лагерь на берегу ручья, стекающего с гор, мы внезапно слышали ужасный стук падающих камней, как при обвале. Шум камней сопровождался треском и глухим звуком сотен копыт, топчущих землю. Яки, образуя огромную сумрачную массу, спускались с покатого склона горы, и в течение нескольких секунд берега ручья были черны от них. Эти великолепные животные щиплют прибрежную траву и пьют свежую воду, стекаю-

щую с гор. Большие быки, стражи и вожаки стада, держатся настороже, опустив рога, готовые стремительно атаковать.

Охота на яков очень занимает кочевников Тибета. В конце осени и зимой многочисленные группы охотников отправляются на высокогорье. Целыми днями преследуют они стада яков, следя за их движениями, пытаясь окружить одинокое животное, на мгновение оторвавшееся от других. В ходе этих вылазок туземным охотникам, зачастую застигаемым снежными бурями, приходится много претерпевать. Они редко берут с собой палатки и проводят ночи на открытом воздухе вокруг походного костра; что касается топлива, его находят поблизости. Во время этих походов охотники питаются сырым мясом и маленькими порциями дзампы, или жареной ячменной муки, национальным тибетским кушаньем. Они спят, согнувшись в странном положении и часто — зарывшись в снег. Их лошади, эти закаленные животные, которые питаются сушеным мясом или дзампой и листьями чая, остаются стоять рядом со спящими хозяевами, спиной к яростному ветру. Таков вид временного лагеря охотников в Тибете.

Подавляющая часть тибетских охотников полагает, что яки близятся к своему исчезновению. Большие стада встречаются теперь только в очень отдаленных районах, таких, как хребет Марко Поло, южный край Цайдама или широкое пустынное плато, расположенное на севере от Больших озер Тибета. В Трансгималаях дикие яки водятся в самых высоких долинах и встречаются на больших высотах. Когда мы преодолевали перевал Сангмо Бертик (около 20000 футов), один из самых высоких перевалов главного хребта Трансгималаев, мы имели уникальную возможность наблюдать большие стада диких яков, карабкавшихся по почти отвесному головокружительному скату. Эти громадные животные, при каждом шаге посылающие камни и облака песка в ревуший под ними поток, представляли собой величественное зрелище. На мгновение их темные силуэты четко выделились на прозрачном фоне тибетского неба, затем исчезли за скалистой стеной.

Такова одна из тех картин первозданного Тибета, которые возникают в воображении всякого, кто созерцал огромные пространства этих незабываемых гор.

Париж, 1930

*Перевод с французского
Юлии Будниковой*